

К авторам и читателям журнала

В обращении к авторам и читателям формулируется основной замысел журнала «Культурно-историческая психология» – журнал публикует оригинальные исследования по культурно-исторической психологии, архивные материалы, критические исследования. Редакция журнала открыта к содержательному диалогу.

Определяя стратегию нового журнала, авторы обращения готовят почву для определения предмета культурно-исторической психологии. Культурно-историческая психология имеет многовековую историю (в определенном смысле ключевые идеи КИП (опосредствование) обсуждались в «Федре» Платона). Сам Л. С. Выготский свою теорию (учение, концепцию) называл по-разному, название же «культурно-историческая психология» появилось много позже.

Приводится краткий анализ возникновения культурно-исторической психологии, связанный с именем Л.С.Выготского, его учеников и последователей. Формулируется основной принцип культурно-исторической психологии – изучение психики в ее фило- и онтогенезе. Центральным для изучения выступает механизм опосредствования психики. Исследования в культурно-исторической психологии – казуально-генетические. Культурно-историческая психология Л. С. Выготского – яркий пример неклассической науки. Культура (все многообразие медиаторов) выступает в качестве идеальной формы, овладение которой является и целью и средством развития, и самим развитием.

Одна из методологических трудностей исследований в культурно-исторической психологии – ее междисциплинарность (проблемы культуры разрабатывает культурология, языка – лингвистика, историогенез – история и т.п.). Необходима способность к научному синтезу и широта взглядов, научная смелость и проницательность.

В текст обращения включена статья «Культурно-историческая психология» из Большого психологического словаря, в которой подчеркивается высокая теоретическая и практическая значимость и эвристическая сила культурно-исторической психологии.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, Л.С. Выготский, культура, опосредствование, высшие психические функции, развитие.

Пожалуй, трудно найти более широкие понятия, чем понятия «культура» и «история». Их объединение в понятие «культурно-историческое» еще больше расширяет объем и не слишком помогает определить и ограничить содержание предмета, к которому оно прилагается. Тем не менее известны культурно-историческая лингвистика, эстетика и антропология. Известен и культурно-исторический психоанализ (именно так К. Юнг назвал учение З. Фрейда, приурочив его к определенной эпохе и таким образом ограничив его уни-

версальность). В этом же ряду стоит и культурно-историческая психология, которую привязать к той или иной эпохе значительно труднее, если вообще возможно. Впрочем, как и психоаналитическое учение (аналитическая психология) самого К. Юнга, которое, несомненно, является культурно-историческим. Психологи говорят о культурно-исторической психологии то как о науке будущего, как о цели и мечте, то как о науке прошлого, то как о становящейся науке, что характерно для любой живой науки.

Проще всего и вернее, определяя стратегию нового журнала на ближайшее время, не спешить с определением предмета культурно-исторической психологии, а связать ее с традицией и научной школой Льва Семеновича Выготского, разумеется, отдавая себе ясный отчет в том, что это направление не обладает ни монополией, ни претензией на исключительное право развивать психологию в контексте культуры и истории. Нередко и справедливо указывают на В. Вундта как родоначальника культурно-исторической психологии. Называют и другие имена, вплоть до Сократа. Связывая наш журнал с традицией Л.С. Выготского, мы меньше всего думаем о приоритете. Между прочим, такова же ситуация с когнитивной и гуманистической психологиями, представители которых отчетливо понимают, что, к примеру, Ж. Пиаже не хуже них разбирался в проблемах познания, а К. Левин – в проблемах личности. Вообще, проблема генеалогии науки не менее запутана, чем установление генеалогии рода или отдельного индивида. Столь же запутана и проблема наименования, что хорошо видно на примере культурно-исторической психологии. Как известно, это имя не принадлежит ее создателю – Л.С. Выготскому. Например, он часто упоминал словосочетания «культурное развитие», «культурно-психологическая теория». О культурном развитии он опубликовал свою статью в «*Journal of Genetic Psychology*» (1929, № 3). В 30-е гг. XX в. Л.С. Выготский и А.Р. Лурия руководили кафедрой психологии в Академии комвоспитания, где разрабатывали теорию культурного развития. В книге «Природа человеческих конфликтов» (изданной впервые в 1932 г. в США) А.Р. Лурия пишет, что «развитие человека как исторического существа идет путем выработки специфических форм исторического, культурного поведения», и говорит, что понять это поведение можно, лишь исходя из анализа его «культурно-исторических механизмов» (Лурия А.Р. *Природа человеческих конфликтов*. М., 2002. С. 522). Автор предисловия к английскому изданию книги А. Мейер называет подход А.Р. Лурия психобиологическим, учитывающим специфику культурной и политической жизни.

В 1931 г. вышла еще одна значительная для становления культурно-исторической психологии книга – «Развитие памяти» А.Н. Леонтьева. Издательство почти на два года задержало выпуск книги. В предваряющем ее обра-

щении к читателям «От издательства» в полу-осуждающем, в полуизвиняющемся тоне сказано, что в книге изложена «теория историко-культурного развития». Предисловие к ней написали Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев. Представляя книгу читателям, основной акцент они ставят на центральной, краеугольной идее, идее исторического развития поведения человека, исторической теории развития высших психологических функций. Затем, как бы оправдываясь, они объясняют: «В сущности, так называемая теория исторического (или культурно-исторического) развития в психологии означает теорию высших психологических функций (логическая память, произвольное внимание, речевое мышление, волевые процессы и т. д.)» – не больше и не меньше! (См.: Леонтьев А.Н. *Становление психологии деятельности: Ранние работы*. М., 2003. С. 200.) Наконец, А.Н. Леонтьев в статье, посвященной памяти Л.С. Выготского (см.: О Льве Семеновиче Выготском // Леонтьев А.Н. *Избранные психологические произведения: В 2 т.* Т. I. М., 1983), опубликованной в 1934 г., писал, что Л.С. Выготский – автор трактовки «психического как человеческой деятельности» (!) и создатель «научной психологической теории – теории общественно-исторического («культурного» – в противоположность «натурному», естественному) развития психики человека» (с. 19). Кроме того, Л.С. Выготский заложил основу «учения о системном и смысловом строении сознания» (с. 20).

Когда же и как не в уклончивой, а в категорической форме применительно к учению Л.С. Выготского возникло название «культурно-историческая психология»? Оно появилось в год кончины Л.С. Выготского в названии статьи одного из самых ярких участников его травли – сотрудника Института психологии, бывшего короткое время его директором, П.И. Размыслова «О “культурно-исторической теории психологии” Выготского–Лурия». Если бы не кавычки внутри названия статьи и не ее содержание, сводившееся исключительно к разгромным и разоблачительным инвективам, название статьи вполне можно было бы счесть элементом эпитафии двум друзьям и соратникам – создателям теории. Вольно, а скорее всего невольно, Размыслов дал укоренившееся ныне в мире название теории Л. С. Выготского.

П.И. Размыслов был уверен, что он и его подельники по уничтожению теории Л.С. Вы-

готского, добившись запрета его трудов, окончательно похоронили это научное направление. Можно представить себе, сколь ужасным было его разочарование, когда в 1956 г., спустя более чем 20 лет, вышел том «Избранные психологические произведения» Л.С. Выготского под редакцией А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. Чаша его терпения переполнилась, когда стал готовиться к выходу следующий том – «Развитие высших психических функций» (к двум прежним редакторам присоединился еще и Б.М. Теплов). В 1959 г. при обсуждении содержания тома на расширенном заседании редколлегии журнала «Вопросы психологии» (а редколлегия расширилась до объема Большой аудитории Института психологии) с докладом выступил «главный специалист» по творчеству Л.С. Выготского П.И. Размыслов. Когда докладчик распалил себя до истерического тона, обвиняя Л.С. Выготского в антимарксизме, лопнуло терпение у тогда молодого и всегда задиристого Георгия Петровича Щедровицкого – он внятно выкрикнул: «Клевета!» Размыслов теряет сознание, падает, его подхватывают, приводят в чувство. На этом обсуждение заканчивается, заканчивается и карьера П.И. Размыслова как критика теории Л.С. Выготского. Остается лишь его посильный вклад в психологию – наименование теории Л.С. Выготского как культурно-исторической.

Далее в свои права должен бы вступить психоанализ, чтобы помочь решить, сознательно или бессознательно А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия использовали предложенное П.И. Размысловым название для обозначения теории своего учителя – Л.С. Выготского. А может быть, они забыли об этой статье и придумали его сами? Наименование «культурно-историческая психология» промелькнуло в их вступительной статье «Психологические воззрения Л.С. Выготского» к упомянутому выше тому 1956 г. Авторы вновь, как бы извиняясь, указали на то, что Л.С. Выготский лишь первоначально называл свою теорию культурно-исторической теорией психологии. Во всяком случае у одного из авторов – А.Н. Леонтьева использованное словосочетание тут же испарилось. Значимую для него статью, опубликованную всего три года спустя (1959) и открывавшую первый том фундаментального издания «Психологическая наука в СССР», А.Н. Леонтьев назвал «Об историческом подходе в изучении психологии человека». В ней он отдает должное Л. С. Вы-

готскому, который «первый у нас (1927) выдвинул положение о том, что исторический подход должен стать ведущим принципом построения психологии человека». А.Н. Леонтьев считает работы Л.С. Выготского новым этапом разработки в советской психологии проблемы социально-исторической обусловленности психики человека. Там же в контексте обсуждения проблемы взаимоотношений психологии и физиологии А.Н. Леонтьев мимоходом и тоже в кавычках упоминает «о первых “культурно-исторических” работах Л.С. Выготского». Кавычки можно толковать как знак того, что автор не слишком серьезно использует это наименование, либо того, что сослался на чьи-то слова. Оправдывающийся тон при использовании словосочетания «культурно-историческая теория» вполне понятен. Главное обвинение критиков теории Л.С. Выготского состояло в том, что в ней культурный подход противопоставляется классовому, да и большевистские идеологи, без усталости настаивая на своей «всемирно-исторической роли», предпочитали обходиться без культуры и оставаться вне ее. Поэтому слово «история» не вызывало у них таких рискованных коннотаций, как слово «культура», а словосочетание «культурно-историческое» развитие было для них смерти подобно. Культуру, как и дворянское или буржуазное происхождение, приходилось скрывать, что, правда, не всегда удавалось.

Так или иначе, но сегодня название устоялось и, как это бывает в языке, мало кто задумывается о том, кто, когда и в каком контексте его ввел. Важнее, что теория Л.С. Выготского стала фактом культуры и истории. Подтверждение этому можно видеть не только в ее распространении среди мыслящих гуманитариев в нашей стране и в мире, но и в том беспокойстве, которое она вызвала и вызывает у ее противников. Об одном таком наступлении на теорию Л.С. Выготского рассказано в интервью В.В. Давыдова, данному проф. Жаку Карпею (Нидерланды), которое публикуется в настоящем номере. Журнал и далее будет знакомить читателей с историей и удивительной судьбой культурно-исторической психологии. Естественно, он открыт и для критиков.

Возможно, читатели не сочтут лишним реминисценции относительно сути исторического и культурного подходов Л.С. Выготского.

Историзм, или историческое изучение, означал для Л.С. Выготского «применение катего-

рии развития к исследованию явлений. Изучать исторически что-либо – значит изучать в движении» (*Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983. С. 62*). Л.С. Выготский предупреждал, что нет непроходимой грани между изучением историческим и изучением наличных форм. Он сочувственно цитирует высказывание П.П. Блонского: поведение может быть понято только как история поведения. Даже рудиментарные функции или «наши психологические окаменелости показывают в застывшем виде свое внутреннее развитие. В них соединены начало и конец развития» (там же, с. 64–65).

Л.С. Выготский справедливо указывает, что формы, в которых соединены исходные и конечные точки развития, должны стать начальным пунктом исследования, дверью, основой метода. Он и его многочисленные последователи убедительно показали, как рудиментарные, низшие, натуральные функции, входя в новые, более широкие психологические системы, преобразовывались, интеллектуализировались под влиянием используемых и развивающихся культурных средств. Механизм опосредствования на многие годы стал предметом многочисленных экспериментальных и теоретических исследований, хотя было бы преувеличением сказать, что этот механизм понят до конца.

В цитированной работе «История развития высших психических функций» Л.С. Выготский показал, как, казалось бы, простейшая реакция выбора (от успеха которой, между прочим, часто зависит судьба живого существа) превращается у человека благодаря использованию и созданию культурных средств в высшую психическую функцию. К сожалению, многие до сих пор, изучая подобные реакции, делают акцент, например, на вероятностном прогнозировании, не отдавая себе отчета в том, что судьба определяется не столько вероятностями, сколько превратностями.

Исторический анализ в понимании Л.С. Выготского направлен не только на прошлые и наличные формы, но и на будущие. Его волновала проблема зоны (лучше бы – перспективы!) ближайшего развития психических функций, проблема формирования образа будущего – актуального будущего поля и т. д. Другими словами, исторический подход распространяется на все «три цвета времени»: на прошлое, настоящее и будущее.

Сегодня можно сказать, что стратегия «каузально-генетических», или «геологических», как

иногда называл свои исследования Л.С. Выготский, себя оправдала. С одной существенной оговоркой. Пока шла речь о развитии, многое получалось. Но когда вновь возвращались к наличным или конечным формам, то оказывалось, что в них продолжается функциональный генез, что они обладают собственной макро- и микроструктурой, микродинамикой, делают заключения о которых лишь на основании генетических исследований весьма и весьма рискованно. Ведь складывающиеся в развитии психологические системы эквивалентны органам индивида, деятельность которых А.А. Ухтомский уподоблял «вихревому движению Декарта». Изучение таких живых форм продолжает оставаться актуальным для психологии, в том числе культурно-исторической, деятельностной, когнитивной и т. д.

Несколько сложнее обстоит дело с культурой. Из сказанного выше должно быть ясно, почему в теории Л.С. Выготского нет четкого определения того, что он понимал под культурой. Возможно, он не видел в таком определении особой нужды, так как еще застал закат золотого века русской культуры, который почему-то стыдливо называли серебряным. «Пролетарская культура» (Пролеткульт) еще не настолько истребила память о недавней культуре, что Л.С. Выготский не считал нужным разъяснять свое понимание культуры *per se*. Л.С. Выготский ограничивался как бы вплетением культурных средств в развиваемый им исторический подход, но это было для него настолько значимо, что он нередко называл его культурно-психологическим.

Л.С. Выготский, различая органическое и культурное развитие, дал новое понимание истории последнего. Он сблизил понятия высшей психической функции, культурного развития и овладения собственными процессами поведения. Этого ему показалось мало, и он вторгся в святая святых большевистской идеологии. Л.С. Выготский практически идентифицировал личность ребенка и его культурное развитие, сказав при этом, что личность есть понятие «историческое». Аналогично он поступил с мировоззрением: «Мировоззрение – то, что характеризует поведение человека в целом, культурное отношение ребенка к внешнему миру». Вростание ребенка в культуру, в цивилизацию Л.С. Выготский тоже называл развитием в подлинном смысле этого слова. Он исходил из того, что культура создает особые формы поведения, она видоизменяет деятельность психичес-

ких функций, надстраивает новые этажи в развивающейся системе поведения человека. Наконец, он поставил проблему культурного возраста и задачу соотношения его с паспортным и интеллектуальным. Культура, как и язык, выступала для Л.С. Выготского идеальной формой, овладение которой является и целью, и средством развития, и самим развитием. Идеальные формы, например в виде аффективно-смысловых образований человеческого сознания, существуют объективно, вне каждого отдельного человека, в виде произведений искусства и других творений людей. В этом Д.Б. Эльконин видел неклассичность теории Л.С. Выготского.

Сказанного достаточно, чтобы понять причины агрессии в адрес теории Л.С. Выготского. Достаточно и для того, чтобы утверждать, что слово «культура», кто бы ни был автором названия теории, более чем оправдано. Но это слово нужно оправдывать постоянно. Сегодня уже нельзя ссылаться на условия «идеологического общежития», в которых многие десятилетия пребывала культурно-историческая психология и из-за чего она прошла мимо целого ряда явлений мировой культуры XX в. Конечно, замечательно, что она сама стала таким явлением, но нужно постараться, чтобы она не перестала быть таковым в XXI в.

О том, что культурно-историческая психология, как и достижения всей научной школы Л.С. Выготского, не является только достоянием истории, свидетельствует и выход первого номера настоящего журнала. К счастью, это не единственное свидетельство. Трудно переоценить роль журнала «Вопросы психологии» в сохранении и развитии культурно-исторической психологии. Он щедро (от Е.В. Щедриной, его главного редактора) предоставляет и предоставляет свои страницы как научной школе Л.С. Выготского, так и отпочковавшимся от нее, но генетически связанным с нею научным школам А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, Л.И. Божович, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, Б.В. Зейгарник, П.И. Зинченко, Д.Б. Эльконина, Л.А. Венгера, В.В. Давыдова, М.И. Лисиной... В этом деле новый журнал не соперник, а помощник (звание «соратник» еще надо заслужить) журналу «Вопросы психологии».

Все же хотя бы в перечислительном стиле очертим впечатляющую панораму исследований, выполнявшихся и ведущихся в рамках

культурно-исторической психологии. Актуальной остается проблематика овладения собственным поведением и развития общения, игровой, учебной, трудовой деятельности. Будут продолжаться исследования высших психических функций и роли культурных средств в их развитии. С ними теснейшим образом связана проблематика аффективно-смысловых образований и их роли в развитии сознания и личности человека. Прав был А.Н. Леонтьев, писавший в упомянутой выше статье 1934 г., посвященной памяти Л.С. Выготского, что в его научной системе заключены новые перспективы психологической экспансии. Нужно только добавить, что и культурно-историческая психология готова к экспансии и ассимиляции достижений других плодотворных психологических течений и направлений.

В оценке нынешнего состояния культурно-исторической психологии не должно быть места ни эйфории, ни скепсису или пессимизму, что, конечно, не означает, что среди потенциальных авторов и читателей нет избыточных оптимистов и угрюмых пессимистов. С первыми – легко. Им можно напомнить слова В. Маяковского: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп». А вторым полезно вчитаться в слова, написанные Б. Пастернаком О. Мандельштаму: «Финальный стиль (конец века, конец революции, конец молодости, гибель Европы) входит в берега, мелеет, мелеет и перестает действовать. Судьбы культуры в кавычках вновь, как когда-то, становятся делом выбора и доброй воли. Кончается все, чему дают кончиться, чего не продолжают. Возьмешься продолжать, и не кончится. Преждевременно желать всему перечисленному конца...» (*Пастернак Б.* Избр. Т. 2. М., 1985). Перечисленные и неперечисленные последователи школы Л.С. Выготского продолжили! У них хватило на это и таланта, и силы духа. Они понимали, что быть в истории требует мужества, а быть в культуре требует усилий. Мы знаем, что у них есть свои продолжатели, которых довольно много. Именно они помогут определить журналу как классическую, так и современную проблематику культурно-исторической психологии. Задача развития культурно-исторической психологии, как и внимание к культуре вообще, особенно актуальна сегодня, когда все отчетливее проступают признаки начинающейся антикультурной революции. Если деградация

культуры будет идти с такой скоростью, то о культуре советского периода мы будем вспоминать как о ее серебряном веке. Сказанное вовсе не ирония. Ибо история культуры, по словам О. Фрейденберг, – это летопись не прошедшего, а бессмертного настоящего. А наша история слишком легко расстается с одним и слишком упорно хранит другое. Это говорит о том, что в так долго обсуждавшемся на этих страницах названии культурно-исторической теории Л.С. Выготского, а соответственно, и в названии журнала есть проблема. Отношения между культурой и историей далеки от гармонии. История порой ломает культуру, культура стремится преодолеть историю, что далеко не всегда получается. Журнал ждет от авторов и читателей конкретных размышлений на эту тему.

В заключение уместно охарактеризовать самого создателя культурно-исторической теории – Л.С. Выготского. Наиболее ярко и точно сделал это А.Н. Леонтьев. В год кончины своего учителя под сильным впечатлением от постигшей утраты он написал: «Научное творчество Л.С. Выготского как факт его биографии представляется почти невероятным, не укладывается в такую короткую, срезанную туберкулезом жизнь. И только сознавая выраженное в его творчестве могущество духовных сил Л.С. Выготского, можно понять и эту переобремененную жизнь. Здесь на протяжении немногим более десятилетия <...> интенсивнейшая, лихорадочная, невиданная по темпам работа по созданию собственных психологических идей, постоянная практическая их проверка в конкретном исследовании и одновременно широчайшая пропаганда этих идей в педагогической деятельности, всюду, где было можно и где хватало сил» (1934, с. 21). Обещаем в одном из ближайших номеров журнала воспроизвести знаменитую статью Стефана Тулмина о Л.С. Выготском «Моцарт психологии».

В качестве приложения к данному вступлению помещена статья «Культурно-историческая психология» из Большого психологического словаря. К ней нужно отнести *sum grana salis*. Ее назначение вполне факультативно. Она не претендует на большее, чем быть средством предварительной ориентации в предмете.

Идея создания журнала принадлежит сотрудникам кафедры культурно-исторической психологии Московского городского психоло-

го-педагогического университета. Кафедра, созданная по инициативе профессоров В.П. Зинченко, В.В. Рубцова, В.М. Мунипова, А.А. Марголиса, ставит своей главной задачей, с одной стороны, вновь вспомнить уже ставшие классическими работы по культурно-исторической психологии, с другой – представить новые исследования, которые продолжают эту научную школу.

Кафедра глубоко заинтересована в том, чтобы вновь прикоснуться к глубинным идеям наших выдающихся учителей, сохранить традицию культурно-исторического подхода в психологии, передать ее тем, от кого зависит ее прошлое и будущее.

*В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряков,
В.В. Рубцов, А.А. Марголис*

* * *

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (англ. cultural-historical psychology) – виртуальная (неинституционализованная) отрасль знаний и исследований, которую формально можно считать разделом столь же виртуальной культурной психологии – дисциплины, изучающей роль культуры в психической жизни (М. Коул). По поводу виртуальности культурно-исторической психологии в научном фольклоре есть следующая шутка (Chaiklin S., 2001):

- Что старше 75, но все еще младенец?
- Культурно-историческая психология.

Логично считать, что культурно-историческая психология сфокусирована на глобальной проблеме роли культуры в психическом развитии как в филогенезе (антропогенезе и последующей истории), так и в онтогенезе. В то же время М. Коул предпочитает использовать термин «культурно-историческая психология» для обозначения одного из вариантов культурной психологии, к которому он причисляет себя и ряд российских психологов (главным образом Л.С. Выготского и его школу). Принципиально неверно отождествлять культурно-психологическую психологию с исторической, изучающей общественную историю с психологической точки зрения и разрабатывающей проблему психологического (в том числе личностного) фактора в истории.

М. Коул, посвятивший свою книгу культурной психологии (в том числе и культурно-

исторической психологии), назвал ее наукой будущего, но, как следует из истории культуры, в том числе и из истории психологии, культурно-историческая психология — это также наука прошлого. Более того, с нее началась практическая психология, решавшая задачи управления поведением и деятельностью людей и возникшая задолго до научной психологии. Подобное утверждение лишь кажется парадоксальным. Примером может служить мнемотехника, хорошо известная и практиковавшаяся как минимум с античности. Ее задачи вполне можно сформулировать в терминах культурно-исторической психологии в версии Л.С. Выготского, как разработку и овладение знаковыми средствами, которые превращают память из натуральной психической функции в культурную, в том числе высшую психическую функцию. При этом речь шла не о зарубке, бирке или «узелке на память», а о внутренних, идеальных средствах запоминания, которые вырабатывались в ходе упражнений памяти. В «Федре» платоновский Сократ рассказывает о встрече древнего божества Тевта с царем Египта Тамусом. Тевт показал царю многие свои изобретения, в том числе письмена, которые сделают египтян мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости. На что царь сказал: «Ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых».

Как мы видим, эта история вполне современна. За 2,5 тысячи лет люди (и психологи!) так и не решили, что лучше: богатая память или средства припоминания? На этот вопрос не ответила и современная нам культурно-историческая психология, для которой понятие опосредствования стало центральным. Но оно было таковым и для диалектики (Гегель). Без опосредствующей роли символа невозможно превращение вещи в идею и идеи в вещь

(П.А. Флоренский). Не опосредствованные взаимно, изолированные или «чистые» психические функции (если таковые встречаются в жизни, а не в лаборатории) являются механическими и не имеют перспективы развития. Они, по словам Гегеля, остаются соединением, смесью, кучей. Нужно сказать, что это в полной мере относится и к взаимно не опосредствованным знаниям, представляющим собой функциональный орган индивида. Об этом недвусмысленно пишет Гегель: «Механический способ представления, механическая память, привычка, механический образ действия означают, что в том, что дух воспринимает или делает, недостает присущего ему проникновения и присутствия». Мертвым механизмом является процесс взаимодействия объектов, «которые непосредственно являли себя как самостоятельные, но именно поэтому на самом деле несамостоятельны и имеют свой центр вовне себя» (Гегель).

Своеобразной реакцией на недостаточную объяснительную силу схем взаимодействия психических функций, предлагавшихся классической психологией, можно считать появление призывов к органическому мировоззрению, добавление к психическим функциям, состояниям, феноменам эпитета живой: «живой образ», «живое движение», «живое слово-понятие», «живое знание», даже «живое чувство», «живая память».

В чем же состоит заслуга культурно-исторической психологии, если о включенности памяти в культурный контекст и ее средствах размышляли испокон веку?

Культурно-историческая психология сделала плодотворную попытку вернуть в культурный и жизненный контекст вырванные из него классической экспериментальной психологией психические функции. Ее можно считать новым и закономерным этапом развития психологии: если бы классическая психология не накопила материал, не изучила изолированные функции, не построила онтологию психики, нечего было бы окультуривать и одухотворять, возвращать в жизнь и культуру. Важно, что этот возврат происходит не умозрительно, а практически и экспериментально. Отсюда и концептуальный каркас культурно-исторической психологии, оперирующей понятиями психологических орудий, инструментов, средств, медиаторов, артефактов. Основными психологическими орудиями в учении Л.С. Вы-

готского являются знаки (особенно слово), проявляющие себя в знаково-символической деятельности, различные формы которой были предметом его внимания. Полный перечень медиаторов включает в себя знак (в более узком смысле), слово, символ, смысл, миф. Огромную роль в развитии имеют персонифицированные медиаторы, к которым могут быть отнесены боги, родители, учителя, вообще значимый другой. Этот «инструментальный набор» медиаторов наглядно демонстрирует принципиально междисциплинарный характер концептуального и методологического аппарата культурно-исторической психологии, с чем, собственно, как правило, и связываются хронические трудности на пути институционализации этой науки.

Главной причиной затруднений в развитии культурно-исторической психологии считается не отсутствие эвристичной теоретической платформы (таковой, по мнению, например, М. Коула, вполне может служить концепция Л.С. Выготского), а неподготовленность психологов к междисциплинарному сотрудничеству, что, в свою очередь, связано с глубокой раздробленностью научного человекознания. Как пишет М. Коул, психологам «трудно сохранять культуру в поле внимания, потому что, когда психология институционализировалась как социальная и поведенческая наука, процессы, играющие решающую роль в формировании психики, были поделены между несколькими дисциплинами: культура отошла к антропологии, общественная жизнь – к социологии, язык – к лингвистике, прошлое – к истории и т. д.» (Коул М., 1997). При этом М. Коул не ставит под сомнение междисциплинарный подход Л.С. Выготского. На достоинства и плодотворность последнего указывали и другие авторы (например: Асмолов А.Г., 1996; Верч Д., 1996). Л.С. Выготский действительно показал массу впечатляющих примеров использования историко-культурных, этнографических, лингвистических, дефектологических, педагогических, неврологических и психиатрических источников для интерпретации и реконструкции психологических фактов. Не ставится под сомнение и способность концеп-

ции Л.С. Выготского служить теоретическим и методологическим основанием для междисциплинарной культурно-исторической психологии. Тем не менее для развития культурно-исторической психологии этого оказалось недостаточно. Кардинально должна быть перестроена сама рабочая структура человекознания, так как, по мнению М. Коула, сложившееся в XIX в. разделение наук на социальные и гуманитарные, каковы бы ни были его достижения, исчерпало себя. Эта структура и соответствующее разделение труда препятствуют организации сотрудничества между разными ветвями «древа познания» человека. Эту позицию поддерживает и Д. Верч (1996): существующее «разделение труда приводит к созданию слишком сложной головоломки с огромным количеством деталей, собрать которые вместе не получается: параметры явления определены так, что принципы и единицы анализа каждого параметра препятствуют их рекомбинации в более общую картину».

Однако, несмотря на все трудности в становлении культурно-исторической психологии, отношение к ней должно быть пролептическим, по аналогии с нормальным человеческим отношением к младенцам: их будущее состояние должно быть гипостазировано в настоящем и прошлом, т. е. к ним надо относиться так, как если бы они уже были тем, чем должны стать. Культурно-историческая психология есть возвращение психологии к культурным истокам. В гегелевской терминологии культурно-историческая психология – это поиск пути от абстрактного к конкретному, воспроизведение конкретного посредством мышления. Внутри нее зародился деятельностный подход в психологии, в котором получили развитие многие идеи культурно-исторической психологии. В перспективе намечаются контакты между культурно-исторической психологией и когнитивной психологией, продолжающей аналитическую работу, начатую в классической психологии, и ищущей свои пути к целостному пониманию человека и его психики.

В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряков

To the Authors and the Readers

V.P. Zinchenko, B.G. Mescheriakov, V.V. Rubtsov, A.A. Margolis

---

In the address to the authors and readers the main idea of the journal “Cultural-historical Psychology” is formulated. The journal publishes original research on cultural-historical approach in psychology, papers from archives, critical research. The editorial board is open for relevant dialogue.

Defining the direction of development of this new journal, the authors of the address prepare the soil for defining the subject matter of cultural-historical psychology. Cultural-historical theory has long history (in certain sense, the key concepts of the CHT, such as mediation with tools, were discussed in the Plato’s “Phaedrus”). Vygotsky himself used different names to call his concepts and ideas, the name “cultural-historical theory” appeared later.

In the address there is provided a brief analysis of the beginning of the cultural-historical theory, connected with the names of L.S. Vygotsky and his disciples and followers. The main principle of cultural-historical theory – investigating the psyche in its philo- and ontogenesis – is outlined. The mechanism of mental mediation is considered central for research. The research within cultural-historical approach is genetic case study. Vygotsky’s cultural-historical theory is a vivid example of non-classic science. Culture (all the variety of mediators) is presented as an ideal form, mastering and appropriating of which constitutes aim and means of development, and development itself.

One of the methodological difficulties of research in cultural-historical approach is its multidisciplinary nature (the problems of culture are investigated by culturology, linguistics covers the problems of language etc.). To venture into cultural-historical research, one needs to obtain wide knowledge, bravery and astuteness, and to be apt at scientific synthesis.

An article “Cultural-historical psychology” from the Large Psychological Dictionary (Russian) was included in this address; the article stressed the theoretical and practical importance and the heuristic power of the cultural-historical theory.

Keywords: Cultural-historical theory, L.S. Vygotsky, culture, mediation, higher mental functions, development.